Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла перед преподавателями и студентами Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

Уважаемый Дмитрий Владимирович, уважаемый Николай Васильевич,

Ваше Высокопреосвященство, Владыка Ириней,

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства,

дорогие участники этого высокого собрания!

Хотел бы от всего сердца поблагодарить Днепропетровский государственный университет за высокую честь, которая мне оказана. Я уже говорил неоднократно в подобных случаях, что как человек, вышедший из академической среды, с очень с большим уважением и признательностью отношусь к академическим наградам.

Научное сообщество, если и предоставляет награду, то всегда после трезвого размышления. И поэтому всякое внимание со стороны научного сообщества меня глубоко волнует и вызывает чувство благодарности, которое я хотел бы сердечно выразить Вам, Николай Васильевич, и в Вашем лице Ученому совету Днепропетровского государственному университета и всем, кто принял участие в этой очень трогательной для меня церемонии. Благодарю вас сердечно.

В таких случаях предполагается произнесение некоего доклада или сообщения лицом, на которого возложены регалии и которому присвоено почетное звание. Я не буду вас утомлять долгими рассуждениями и, тем более каким-то научным докладом, да и физически я не был способен такой текст подготовить. Поэтому хотел бы просто вслух вместе с вами поразмышлять на тему, которая не может не волновать людей, имеющих отношение к науке. Нам всем хорошо известен лозунг «Знание – сила». И поскольку в современном обществе наука – это и знание, и сила, и часто даже власть, поскольку роль науки в современном технократическом обществе во многом превышает влияние остальных сегментов общественной жизни, то хотелось бы поговорить именно о науке. Я не являюсь светским ученым, и потому мой разговор на эту тему будет связан, конечно, с разговором о вере.

В истории противостояние веры и знания, науки и религии хорошо известно, а среднее и старшее поколения помнят это по своему жизненному опыту. В Советском Союзе эти две сферы духовной жизни человека были разведены на такое расстояние, что даже помыслить о преодолении этой пропасти было невозможно. Наука отождествлялась с прогрессом, научный взгляд на мир считался единственно верным. С наукой связывалось усовершенствование общественных отношений, развитие экономики, национальной жизни. Религия же в лице Церкви представлялась как явление рудиментарное, по ошибке, по недомыслию, из-за отсутствия образования дошедшее до нашего просвещенного века. Она мыслилась как некая сфера обскурантизма, которая, по мнению тогдашних руководителей и многих ученых, мешала развитию общественной жизни людей.

Был достаточно примитивный подход к тому, как следует избавиться от религиозных пережитков, – а именно так, как нечто, принадлежащее прошлому и по недоразумению дошедшее до нашего времени, характеризовалась религия. Для того, чтобы этот «пережиток» изжить, необходимо было образование. Именно поэтому, когда началась мощная, организованная и поддержанная государством атеистическая работа в советской России, а потом и в Советском Союзе, главный упор делался на образование.

Установка была такой: религиозные знания – это результат непросвещенности людей. Вот не знают люди законов природы, законов механики – таких ясных и простых, при помощи которых можно описать все мироздание, не знают прогрессивной марксистской философии, которая содержит в себе все ответы на все вопросы бытия, начиная от начала мира и кончая концом.

Ведь что такое учение о коммунизме? Это учение о Царствии Божием, только без Бога. Все охватывала собой эта идеология, которая называлась научно обоснованной и единственно верной, – ну где же тут место религии?

Развитие образования, предполагающее мощное идеологическое атеистическое влияние, должно было веру из общества убрать. Но что же получилось? Да, действительно, в дореволюционной России была крепка вера, и было много неграмотных людей. Хотя к XX веку таких осталось уже и не так много, но все же были люди, вообще не умевшие читать и писать. И вот, очень быстро справились с неграмотностью: все научились читать и писать, пошли в школы, в рабфаки, в институты, потом в университеты. Не просто среднее образование в стране поголовным было, но был и высокий процент людей с высшим образованием. Казалось бы, по прогнозам, всякая религиозность в стране должна исчезнуть. Ведь не таким глупым был Хрущев, когда говорил: «Я вам покажу по телевизору последнего попа». К 1980-му году построим коммунизм, а в коммунизм с верой войти нельзя, там светлое будущее, там уже наша атеистическая эсхатология. Как же туда с верою, с этими обузами, с этими тюками прошлого?

И вот что удивительно: нынешнее молодое поколение уже, наверное, даже не знает, что Никита Сергеевич предполагал к 80-му году коммунизм построить. Многие точно не скажут, кто такой был Никита Сергеевич. При этом вместо трех-четырех десятков храмов в Днепропетровской области сейчас несколько сотен приходов, а мы с вами встречаемся в университете, и не потому, что кто-то приказал Ученому совету удостоить Патриарха ученой степени. Есть некая внутренняя потребность, а значит, есть приятие того, что Церковь говорит, даже с точки зрения критического, научного подхода. Хотя, – я отдаю себе в этом отчет – конечно, не все члены Ученого совета люди верующие, есть уважение к религиозной точке зрения, по крайней мере как к альтернативной.

Главный лозунг атеизма, предполагающий, что образование изгонит религиозную веру, провалился. И если говорить о возрождении веры на всем постсоветском пространстве, следует отметить, что двигателем этого возрождения оказались интеллектуалы. Сохранялась народная вера, всегда сохранялась, но вот двигателями возрождения были действительно интеллигентские круги крупных городов, в том числе таких, как Днепропетровск.

Наш исторический пример полностью разрушает классическую концепцию противопоставления науки и религии, веры и знания. Научное знание не исключает религиозного представления о жизни. На вопрос «почему» ответ прост: точно по той же причине, по которой научное знание не исключает эстетических потребностей людей — искусства и всего того, всего того, что нельзя изложить на языке математики или иных точных наук. Наука никогда не может заменить собой любовь, наука не может подменить совесть, наука не может заменить эстетическое чувство. Мир был бы страшным, если бы в нем присутствовало только научно-техническое измерение. Это было бы не человеческое общество, а какое-то общество-киборг. Когда нам рисуют страшные футуристические картины полностью бездуховной человеческой цивилизации, то как раз чаще всего и говорят о некой цивилизации киборгов, существ, лишенных человеческого измерения, человеческой души.

И наука, и религия — очень важные стороны человеческой жизни, так же, как искусство, нравственная сфера жизни. И поэтому вне зависимости от того, верит человек в Бога или не верит, сегодня абсолютное большинство людей признают законным существование религиозного измерения человеческой жизни и с уважением относятся к религиозному выбору людей. Все больше и больше ученых становятся крепкими в вере людьми, в сознании которых происходит некий синтез научного и религиозного.

Я благодарю Бога за то, что мне приходилось встречаться с такими людьми. Я не буду называть этих современных деятелей науки, потому что не согласовал с ними саму возможность упоминания публично их имен, но поверьте мне — это выдающиеся ученые постсоветского пространства и не только.

А вот об одном таком ученом я уже говорил публично. Он скончался, и поэтому можно смело вспомнить его имя. Это знаменитый академик Александр Александрович Баев, видный представитель биологической науки в Советском Союзе. Я с ним познакомился в 1983 году. Это было в столице Нидерландов, он и я приехали туда по приглашению Свободного университета города Амстердама, где проводились очень интересные международные слушания о ядерном оружии: что означало развитие ядерных военных технологий в то время, когда мир балансировал на грани войны. Идея заключалась в том, чтобы выслушать ученых, а потом выслушать представителей Церкви и соотнести их позиции. И вот тогда я и познакомился с этим человеком. Он много страдал, много лет находился в заключении, потом вышел на свободу, блестяще закончил образование и стал выдающимся ученым. Это было советское время, и то, что он мне тогда сказал, открыто и честно, было неким гражданским подвигом. Он мне тогда публично сказал: «Я радуюсь за вас, потому что вы стали священником в самое лучшее время, когда, опираясь на научные достижения, мыслящие люди могут почувствовать присутствие Бога во Вселенной».

При этом он привел пример из своей сферы научного знания: этот ученый говорил об исчисляющемся миллиардами количестве вариантов соотношения химических элементов, которые могли иметь место в процессе генезиса космоса. И только один вариант приводил к зарождению жизни, и именно этот вариант – один из миллиардов – выпал. И вот он сказал, что как ученый не может поверить, что это случайность. Невозможно, разбрасывая вырезанный из бумаги алфавит миллиарды раз, дождаться, чтобы буквы сложились в стихи, а здесь из миллиардов возможностей только одна система могла обеспечить жизнь. И эта система возникла. Для этого ученого Бог был Творцом, Который стоял в самой основе бытия, Который предопределил развитие творения таким образом, что появилась жизнь.

Поэтому для меня опыт общения с учеными был чаще всего очень вдохновляющим и многому меня научил. Но, размышляя о взаимоотношении науки и религии, я сегодня хотел бы сказать не только о том, что говорил академик Баев и многие другие ученые, в том числе и современные. Не только о том, что развитие науки помогает понять: человечество еще слишком мало знает о мире, о космосе, о материи. Здесь я могу сослаться на выдающегося российского ученого, ректора Московского государственного университета академика В.А.Садовничего, потому что он публично говорил то, о чем я сейчас скажу. В одном из своих выступлений он заявил, что только сейчас наука начинает понимать, что она знает меньше, намного меньше двадцати процентов того, что представляет из себя космос. А что такое мир потухших звезд? А что такое то, что ученые называют антиматерией, антиэнергией, антивеществом? Там другой мир, там не работают законы нашего мира. Ну разве можно игнорировать эти более чем восемьдесят процентов творения? Или можно говорить, что мы все знаем в точности, не зная восьмидесяти процентов?

Мы живем в захватывающее время новых открытий, и я глубоко убежден в том, что в какой-то момент люди начнут даже с научной точки зрения понимать, что такое, например, молитва, что такое связь с Богом. Ведь с точки зрения некоторых памятников святоотеческой письменности Абсолютным Духом является Бог, все остальное имеет некую степень материализации: ангелы, демоны и, конечно, молитва. Сейчас у нас нет ни приборов, ни способов измерить, узнать это. Но может быть, когда-нибудь, если Богу будет угодно, наука прикоснется к этому.

Но помимо того, что мы живем в удивительное время, когда больше всего оснований для некоего синтеза, для некоего целостного видения мира, который включал бы научное и религиозное измерения, есть нечто такое, что очень роднит сам научный поиск и религиозную жизнь. И здесь я хотел бы сказать, может быть, о несколько неожиданных, но очень важных вещах, потому что между наукой и религией родства и схожести гораздо больше, чем противоположностей. Наука, как и вера, требует добродетелей. Кто-то может усомниться и сказать: «Да ну, при чем здесь добродетели? У нас компьютер, у нас расчеты, формулы, и какая разница, добродетельный ли человек осуществляет эти расчеты?» Я постараюсь доказать, что наука связана с добродетелью.

Для начала хотел бы просто поставить такой вопрос: возможна ли наука без критического отношения ученого к самому себе? Если ученый не хочет видеть ничего кроме того, что он открыл и до чего он дошел, если для него не существует иной правды, кроме собственной, если ему кажется, что он истина в последней инстанции, – разве может в таком мироощущении развиваться научное исследование?

Вот, кстати, в чем была проблема марксизма, почему рухнула эта стройная философская система, которая вообще была уникальной за всю почти историю человеческого рода, поскольку отвечала на все вопросы бытия, – от возникновения мира до эсхатологии? На основе этой теории строились человеческие сообщества, развивалась экономика, научные институты работали, тысячи людей защищали кандидатские и докторские диссертации. Почему все рухнуло? А потому что было абсолютно ложное и не свойственное науке самопонимание: мы истина в последней инстанции, единственно правильная и научно обоснованная. И эта философия рухнула в одночасье, когда упали государственные подпорки, ее поддерживавшие.

Сократ в свое время сказал: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Очень может быть, это гиперболизированное выражение, но оно несет в себе огромный потенциал: если я не знаю, я хотел бы знать, я должен знать, я должен найти ответы на вопросы о том, чего я не знаю. Именно на этом, собственно говоря, основываются наука и образование. Образование – это, в первую очередь, ответы на вопросы, ответы, которых еще вчера у тебя не было. Если студент скажет: «Я все знаю», он просто должен проститься со своим учебным заведением. И хотя студенты этого, может быть, опытно не переживают, они постоянно проходят через некий опыт ограничения своей

гордыни, принимая то, что им говорит профессор или преподаватель. А если этого опыта ограничения собственной гордыни, если этой открытости нет, то нет учебного процесса, точно так же, как нет и научного поиска. Всякая гордыня и высокомерие, особенно интеллектуальное высокомерие, безобразно тем, что является стопором в развитии научного знания.

А что такое ограничение гордыни? Существует ясное определение понятия противоположного гордости — это смирение. Смирение – условие научного поиска. Если у ученого нет смирения, нет осознания своей неправды, ограниченности, если нет готовности пересмотреть собственные взгляды, что называется, «наступить на горло своей песне» под воздействием фактов и доказательств, то нет и научного поиска. Ну, а если человек изобрел что-то, создал теорию, гипотезу, и вдруг его коллега доказывает, что она не верна? Кстати, это часто происходит на ученых советах, когда выступает один ученый, говорит что-то, потом его поправляют. Кстати, в научном сообществе без такой дискуссии вообще немыслимо общение ученых. Почему всегда язык ученого более сдержан, чем язык человека, не дисциплинированного научной мыслью? Потому что он двадцать раз подумает, стоит ли ему в присутствии коллег вот это брякнуть, или надо еще чуть-чуть посчитать, потому что какой-нибудь сидящий рядом скромный профессор или доцент может и поправить: «А вот здесь вы просчитались, уважаемый коллега, и выводы должны быть совершенно другие».

Если ученый не может принять другой точки зрения, не может быть и научного движения вперед. А что значит принять другую точку зрения? Это значит признать, что не прав, а если перевести в систему церковную, религиозную, – это значит покаяться, покаяться в своей ошибке.

Таким образом, мы рассмотрели смирение и покаяние как факторы научного исследования, научного поиска, научной жизни. И если вы уберете эти два фактора, не будет научного развития. Будет просто борьба самолюбий, и ничего толкового из этого не получится. В конце концов, величайшая мудрость заключается в словах: «Я заблуждался, это моя ошибка». Замечательно сказал в свое время Цицерон: «Человеку свойственно ошибаться, а глупцу свойственно настаивать на своих ошибках». Так вот, без смирения и покаяния глупец будет настаивать на своих ошибках и тормозить научное развитие.

Сознание формируется под влиянием различных факторов. Как в нашем компьютере открываются «окна», так происходит моментальная смена планов. Наверное, ученые просчитают когда-нибудь, как внутренняя наша матрица – культурная, идеологическая – влияет на преломление информации, которая идет в наше сознание. На нас всегда надеты «очки» – «очки» нашей натуры, нашего эмоционального уровня, нашей образованности, нашей культуры. И для того, чтобы человек был способен к объективному научному исследованию, он должен быть интеллектуально и нравственно честным перед собой и другими, в том числе он должен быть способен во имя этой

честности отказаться от того, что дорого, отказаться от самого себя, от счастья своей внутренней жизни. А ведь это подвиг самоотречения, аскетический подвиг.

Последнее, о чем хотел сказать: прошло ведь время выдающихся гениальных ученых-одиночек, хотя и сейчас один есть – Григорий Яковлевич Перельман из Санкт-Петербурга относится к таким поразительным ученым-одиночкам. Однако в основном научные открытия осуществляются большими коллективами людей, где все работают вместе и на выходе, как говорят инженеры, имеется сигнал, созданный усилием всех членов коллектива. А для того, чтобы этот сигнал был действительно эффективным, чтобы он не был «ложным сигналом», требуется построение научного сообщества, установление связей между людьми, опять-таки отказ от своих амбиций, умение принять другого человека если не в свое сердце, то в свой интеллектуальный мир, разделить с ним результаты своего поиска.

Все это можно назвать простым словом «сотрудничество», но это слово ни о чем не говорит, здесь требуется найти какое-то другое определение. Слово «любовь» слишком сильное, но есть моменты, которые являются общими для этих двух слов. Когда человек любит, он жертвует собой, он слушает другого, помогает другому. Если этого нет в научном сообществе, то оно распадается. И может в прямом смысле слова это не любовь, но нечто такое, что находится на очень высоком уровне нравственного бытия человеческой личности. Вот и получается так, что наука и духовная жизнь человека идут как бы по тем же самым ступенькам: люди подымаются, используя те же самые инструменты взаимной поддержки.

Как я уже говорил в самом начале, мы живем в особую эпоху – эпоху, когда действительно может формироваться синтез духовного и материального, научного и религиозного. Мы сегодня живем в мире, который дает нам понять, что сам научный поиск, научное творчество имеют много общего с духовной жизнью человека. А ведь иначе и быть не может, потому что и научный поиск, и поиск духовный были запрограммированы Богом, – Он вложил в нас эту программу. И если человек идет по другому пути, он идет против ветра, он идет против Божественного течения, которое не разрушает человеческой свободы: ты можешь идти и даже можешь не чувствовать этого сопротивления, тебе кажется, что ты идешь своим правильным путем. Бог потоком Своего замысла не разрушает человеческую свободу, но само это движение вопреки не жизнеспособно, это движение в никуда.

И величайшим прозрением современности, прозрением, подготовленным в том числе интеллектуальным сообществом нашего постсоветского пространства, вами, мои дорогие, – людьми, обратившимися во множестве к Богу, – и подготавливается, думаю, та эпоха, то время, когда от тезиса и антитезиса человечество переходит к синтезу. Я думаю, что только в условиях этого синтеза и можно построить процветающее справедливое и жизнеспособное общество.

Благодарю вас за внимание.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/56918/